

Валерий Грушницкий

Записки
Оболганного Императора

Валерий Александрович Грушницкий

Записки оболганного императора

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48895981
ISBN 9785005093622*

Аннотация

Наконец вы можете лицезреть взгляд с другой стороны на историю Петра III, самого скандального императора за всю историю России! Автор принципиально отказывается от диалогов, чтобы показать всю драматичность судьбы данного человека. Прислушайтесь! Приятного прочтения!

Содержание

День 1	5
День 2	8
День 3	11
День 4	14
День 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Записки оболганного императора

**Валерий Александрович
Грушницкий**

© Валерий Александрович Грушницкий, 2020

ISBN 978-5-0050-9362-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День 1

*Писание писем – единственный способ сочетать
удинение с хорошей компанией.*

Джордж Гордон Байрон.

Наконец я могу писать. Алексей Орлов, мой заступник и тюремщик, прячет бумагу и перья. Не хочет, видимо, граф, чтобы я писал здесь вещи, очерняющие его мало-мальски хоть для кого-нибудь значащее достоинство. Впрочем, читатель этого, если так можно высказаться, дневника, которого при обнаружении ждёт участь письма о сладострастных уделах императрицы, может не вполне быть знаком со мной. Меня звать цесаревич Пётр III Фёдорович из рода Романовых. Сажу я в Ропшинском дворце, опустевшем из-за одной девицы, возомнившая себя Зевсом. Из-за Екатерины Алексеевны Романовой, урождённой Софии Фредерики. Тётушка моя, Елизавета Петровна, впрочем, конечно же выбрала её, ведь «бёдра немки хороши» и «невинность не была утрачена». Не умеют эти женщины выбирать себе подобных! Ведь Екатерина – разгульная, не умеющая даже видеть тайного человека, глазок для которого был любезно создан в раме картины, висящей над кроватью, с огромнейшими колоннами, впивающимися в каждый потолок или подол чьей-то женской юбки, завалившийся с бранным телом её хозяйки.

От такой вот девушки у меня и родился сын Павел. Хотя, вообще-то, по крови вряд ли он – наследник. А чего стоит Григорий Орлов! Этот жадный фаворит вздумал влезть во власть, а ещё домогался до Екатерины. Благодаря этому прохвосту, я сейчас сижу в Ропше, да пишу письма «императрице», дабы она даровала мне свободу. Жаль, что на них я ответа не получаю с самого начала их написания. Высокомерие. Грех богатых людей, погрязших в наслаждении этими грязными бумажками, что мы привыкли называть деньгами. Эта немка объявила меня, законного наследника, предателем родины и сослала сюда. Было бы полбеды, если бы она только отвергла меня, да отправила сюда. Екатерина приставила ко мне дрянную семью Орловых. Ну, разве чего-то я сделал плохого? Да, выигранные русскими войсками земли были отданы Пруссии обратно. Но я лишь думал помочь их народу, моим любимым людям! Мой отец, конечно, не был русским, отчего я, наверное, и невзлюбил эту империю. Как же можно любить место, где представителя царской семьи увозят во дворец, да держат там насильно, а позже напишут, мол, скончался от воспаления вен. Не зря, видимо, тётушка боялась переворота. Боязнь эта до того была параноидальной, что она уезжала из Петергофа лишь в самом крайнем случае. В ней чувство гордости тоже было максимально превышенным, как, собственно, и у Екатерины Алексеевны. Бесят меня сильно эти две барышни! Тётушка Елизавета Петровна запрещала многое, например, те же прогулки

с собаками, из-за которых мною была подхвачена «чёрная смерть». Екатерина Алексеевна пыталась полюбить меня, а я не ответил. Спустя время и она охладела. Я и сам виноват в этом, ведь любовь нельзя долго задерживать, сам знаю, поэтому и пишу сюда. Никого я так не любил, как обожал проводить время с Павлом. Сначала было трудно, но позже я влился в игру. Игры с сыном в солдатиков, да в пускание по воде корабликов расслабляют мою душу. Может, выйдя, увижусь с сыном, когда время будет позволять. Впрочем, куда сейчас торопиться? Узники живут по своему неписанному расписанию: когда бьют сильно – просыпайся; по-среднему – иди потчевать чёрствый хлеб; слабо не бьют. Причём, эти Орловы бьют так, чтобы на телесах не оставалось повреждений, ведь за это можно и казнить этих упырей, терзающих меня, словно грязные псины, которым улыбнулась удача найти живую крысу. Вот и Орловы идут. Зачем? Посмотрю.

День 2

В одиночестве каждый видит в себе то, что он есть на самом деле.

Артур Шопенгауэр.

Я, избитый и оскорблённый, пишу очередную записку. Считаю нужным более ясно расписать моих мучителей, Орловых. Григорий Орлов. Не может вызывать уважение человек, забирающий престол через соблазнение императрицы. Боже, как же это мерзко и пошло! По внешности Григорий Григорьевич мог бы задрать даже какого-нибудь польского короля, да вот жаль не наградила его природа ни чистотой рассудка, ни святостью души. Стеснение словно исчезло у него ещё в утробе матери. Впрочем, не стоит даже упоминать того человека, которого ты в глаза не видел. У Григория имеется брат Алексей, который может и защитить меня. Конечно, это происходит настолько редко, что моменты времяпрепровождения с вторым Орловым я начал ловить, словно ненасытная лягушка, пожирающая бедную муху. Алексей – человек, немного стеснённый обстоятельствами. Он – гуманист. Люди для него – смысл жизни, который всепоглощающе пронизывает его. Григорий ценит лишь три вещи: престол, Екатерину, да свою семью. Он не любит пьесы, музык не слушает, но смеет приказывать мне, законно-

му наследнику, исполнять на моей любимой, близкой к сердцу, скрипке их гусарские частушки, не имеющие ничего общего с культурой. Пока Григорий хохочет так, что выпивка вся падает наземь, Алексей лишь покорно смотрит. Иногда мне кажется, что в его голубых глазах пробегает слезинка, что есть надежда! Но надежды рушатся вместе с бутылкой царского вина, которое Екатерина велела отправить Орловым «на пропитание». Конечно, Алексей – не единственный человек, которого я всем сердцем люблю и обожаю. Была ещё одна. Елизавета Воронцова. Собственно, я уж и не припомню, кем была Лиза при дворе: то ли фрейлиной Екатерины, то ли ещё кем-то. А имеет ли это знание хоть какое-то применение или смысл? Я любил Лизу. Её многие называли уродливой: может, прыщик выскочит на элитарной горбине носа, или из бородавки начал расти густой-прегустой чёрный волос. Глаза её всегда оставались неизменными: каряя бездна тянула меня и отягощала сладострастными минутами, проведёнными вместе. Она не вертелась в высших кругах, чтобы получить немного уважения, как того добивалась Екатерина. Лизе этого всего, напыщенного и броского, не нужно было. Простота её и чувственность, как и у любой другой порядочной девицы, были неиссякаемы. Я сидел со скрипкой, а она услаждала мой слух. Лиза – это ангел, если можно так выразиться. Подозреваю за что, но писать сюда не намерен, мы были презираемы. Я хотел посадить её подле себя на престоле! Глупо? Возможно. Но, по крайней мере,

это было бы лучше, нежели на троне будет пребывать человек, жаждущий лишь удовлетворения плотских утех. Екатерина как будто негами другими и не занималась, только разговаривала с тётушкой, да молила возможности видеть сына. Впрочем, про тётушки напишу позже.

День 3

Злых людей нет на свете, есть только люди несчастливые.

Михаил Булгаков.

Тётушка Елизавета Петровна – человек странный и властный.

С виду в её глазах можно было прочесть умиротворение, совмещённое с царской скукой. Самое главное, что у неё было – голос. Голос этот всегда умирал меня. Припоминаю случай, когда принёс во дворец собак, как это обожал делать прусский король Фридрих II. Тётушка воспротивилась моему желанию и решила устроить мне некую оказию: мы пошли по снегу, заползавшему в сапоги, да засыпавшему лицо, в крепость, где содержались преступники политического характера. Я увидел там маленького мальчика, русоволосого... императора! Это был Иоанн VI Антонович. Немой, которого тётушка заперла в крепости, ведь он мог сесть на престол и пошатнуть её глупое правление! Мне безумно стало его жалеть: мною был подарен солдат, которого я не то чтобы любил, но оставлять его доле у себя не решался. Он был безумно рад такому стечению обстоятельств. Мы расстались полюбовно. Я начал отправлять ему подарки в крепость. И даже если их не доставляли, я думал иначе. Я хотел с ним, было,

встретиться ещё раз, но не случилось нам свидеться. После этого случая я понял, что как только свергну тётушку, а, может, она сама сможет отойти в мир иной, я сразу же освобожу Иоанна Антоновича. Тётушка божилась, что сохранила ему жизнь, я не верил и, видимо, оттого сижу здесь и пишу тому, кто этот ужас найдёт и поспешит предать забвению. Конечно, тётушку невзлюбил я не просто так. Елизавета Петровна как только почувствовала, что страна под ней рушится, сразу же призвала меня, ведь я – внук Петра Великого, а, следовательно, являюсь законным наследником, носителем крови рода Романовых! Везде эта тётушка норовит влезть! Ведь это она избрала Екатерину правильной для меня женой. Екатерина Алексеевна сначала влюбилась в меня, ходила везде и всюду за мной по пятам, а после охладела, ведь в первую ночь я не мог её удивить. Я видел её переписки с фаворитами: пошлость лезла из всех щелей, куда только могла проникать пошлость. К тому же там она обзывала «уродом», «ходячим гротеском», да дурманила слух ужасными словами, пугающими слух юных дам. От того, что я пересилил «чёрную смерть», а после этого обезобразился, наши отношения потеряли даже наигранность и иллюзию чувства. Спиртное немного меня утешило, но не на долгое время. Тогда у меня появилось второе стремление к царствованию: развод с немкой и ссылка её в монастырь, а позже – долгое и мучительное для неё старение, а в конце – смерть. Порой приходилось слышать от неё, что я – чуждый здесь человек, что я – закла-

тый враг России, который слаб физически и духовно. И это мне говорит клятая немчура, которая по прибытии не могла и двух слов связать по-русски. Тётушка постоянно сетовала на то, что я незаконно получил титул «внук Петра Великого», мол, я этого недостоин. Может, я ограничен в своих стремлениях, возможно, что ничтожен, очень вероятно, что лжив, спился подавно, и уж точно являюсь ненавистником «всего» русского, но я уж точно заслуживаю носить титул с именем моего деда. Правда, некоторую вещь тётушка любила во мне – моё увлечение музыкой. Скрипка рождает в тебе нового человека, более утончённого, что ли. У меня была целая коллекция скрипок! Каждая из них меняет в тебе ментально настроение: сыграешь, бывает, ты любовную сонетку на французской скрипке – слёзы начинают бить ручьём, а на русской – хохот проберёт основательно до самых костей. А книги! Чего только они стоят! В каждой книге бурлит жизнь! Словно открываешь новый мир в такой близкой к твоему сердцу комнате во дворце. А живопись! Услада для моих глаз! Когда, бывало, порой идёшь с очередного заседания, где выслушал речь очередного сановника, жаждущего лишь подачки пачки ассигнаций с барского плеча, а потом заходишь в свою опочивальню и начинаешь рисовать пейзаж. Пейзаж умиротворяет меня. Не могу рисовать натюрморты – сразу кажется, словно я использую еду не для поглощения пищи, а для переноса её на холст и последующего уничтожения.

День 4

Воля – это то, что заставляет тебя побеждать тогда, когда твой разум говорит тебе, что ты повержен.

Карлос Кастанеда.

Я разочаровался в людях. Странно так судить по тем, кого мне приходилось видеть на своём недолгом веку. Нет в них никакой красоты, никакой утончённости. Григорий Григорьевич, как по мне, награждён красотой внешней, при этом пользуясь ей пошло и вульгарно, тем самым становясь в моих глазах свиньёй. Алексей же обладает сердцем настоящего русского мужика. Он напоминает чем-то меня в детстве: томные слёзы счастья, эмоции, хлещущие и заливающие мозг мыслями, которые находят отклик в голове и рождают нечто прекрасное. Тётушка пускай и была строга со мной, но тот факт, что она чувствовала красоту даже там, где она ещё не успела прорасти, нельзя отнять. Екатерина же – совсем другое дело! Клятая немчура! Я сам по бабюшке – немец, но есть то, что отличает немца от немчуры. Красота, искусство, язык, живопись, музыка – всё это переплетается в немце. Немчура же, не зная русских слов, побежит говорить с русской императрицею. Екатерина – странный человек, питающий страсть как к естественным наукам,

так и к языкам. Я же латынь не любил. На мёртвых языках говорят разве только медикусы, да люди малого склада ума, желающие выделиться среди серой массы, тем самым вгоняя себя в неё. Солдаты, артиллерия, военное дело – вот это – моё призвание. Здесь моя душа разгуливалась, раскрывая перед всякими учёными тонкостями свои врата. Когда разводишь строевую, а после нападаешь на крепость, то сразу же успокаиваешься и представляешь себя ребёнком, сломавшим чужую башенку своим солдатиком. Солдатики – отдельный разговор. Тётушка запрещала мне пересказывать важные миссии с их помощью, давала в руки старую карту, каким-то образом подцепившую на свой левый нижний уголок кусочек плесени. Каждый видел его, однако же никто не решался убрать его, ведь «он никому не мешает, пусть будет там». Мне мешает! Мне говорят про походы моего деда, Петра Великого, а перед глазами у меня эта гадость! Разве можно так относиться к стране на карте? Для этих супостатов, видимо, можно.

Меня с детства учили презирать Россию, ибо принадлежал к лютеранству, что подразумевало под собой это и многое прочее, прочее и прочее. Не мог я себе представить, что меня свергнет собственная жена! Впрочем, она принадлежит к разряду тех людей, от которых нельзя ожидать чего-то прямого или конкретного.

Помню случай, когда Екатерина наставила на меня дуло пистолета, завидев меня с любовницей. Я, не подав виду,

отшвырнул девицу и попятился назад, смотря прямо на револьвер. После этого во дворе появился слух, мол, я испугался и убежал, сверкая пятками. Вечно все норовят так или иначе меня оболгать. Все эти люди глупы, а, может, только делают вид, что глупы.

День 5

Очень часто, когда кажется, что жизнь разваливается на куски, на самом деле она просто впервые собирается воедино.

Нил Уолш.

Прогуливаясь сегодня по Ропше, я наткнулся на маленького солдатика, зелёного такого, отличного качества отделки. Если судить по оружию, то он был чем-то вроде гранадера. Моя скука была приостановлена на миг, и я вернулся во времена своего правления. К слову, в прекрасные времена. Настоящее, прошлое и будущее слились в нечто единое и вытекли хрупкой, алмазного цвета слезой из моего левого глаза. Но не долго мне пришлось ликовать. Идут Орловы – Григорий и Алексей. Они хоть когда-то снимают свою форму? Подозреваю, что под ней зарождаются свои флора и фауна. А эти награды, что выдаются лишь за то, что ты при дворе, да умело соблазняешь императрицу? Зачем они? За что они? За что, например, Григорий Григорьевич получил Орден Святого Александра Невского? А я напишу, за что! За то, что он охмурил мою собственность! Мерзавец! Гадкая змея, проползающая там, где ни один палец даже самой хрупкой, словно фарфоровой, дамы не пролезет! Песок, проникающий всюду! Вот они идут, мирно ступая по зем-

ле, а в глазах у одного – ненасытная ярость и злоба, у другого – скорбь и сострадание. Шлепок. Правая щека. Боль. Глаза навывкате и я смотрю на моего обидчика, а там – ничего: ни радости, ни ехидности, ни даже самого бедного смешка, которого я ожидал. Лишь молчание, да гнетущая атмосфера! Я прихожу в себя и понимаю, что моего солдата более нет со мной, ведь его украла эта мерзопакостная пародия на человека! Его рука вздымается. Серебряный штык блестит на солнце, и маленький воин летит в фонтан, наполненный водой, смотря за которой, можно не унывать, ведь в ней видишь саму сущность бытия. Григорий с видом павлина, виляющего своими перьями, двигал грудью, чтобы ордена тряслись, словно карета по рыхлой дороге, забитой ямами, в зимнюю пору. Алексей же похлопал меня по плечу и спешно удалился. И ползком, словно искалеченный в бою воин, плетусь я к фонтану, дабы узреть всевидящую воду. Вот и она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.